

**СИМВОЛ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ
В РОМАНЕ Г.Э. НОССАКА «НЕКИЙЯ»**

*Работа представлена кафедрой зарубежной литературы.
Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент Т. А. Федяева*

В статье представлен анализ символики романа Г. Э. Носсака «Некийя», который позволяет выявить основные закономерности его сюжетной структуры. Символические образы, имеющие различные корни – от архаических до христианских, можно выделить в две основные группы – мужские (рациональное и разрушительное начало) и женские (интуитивное и созидательное начало). Такая парадигма обусловлена стремлением Носсака разобратся в ценностном кризисе, охватившем европейское общество после Второй мировой войны.

Ключевые слова: *символ, миф, мифологическое тождество, образ матери, техника повествования, экзистенциализм.*

S. Maksimova

**SYMBOL AS A WAY OF NARRATIVE ORGANISATION IN THE NOVEL “NEKYIA”
BY H. E. NOSSACK**

The article represents the analysis of the symbol structure of the novel “Nekyia” written by H. E. Nossack, which helps to elicit the major features of its plot pattern. Symbols of different sources (both ancient and Christian) can be clas-

sified as male (rational and destroying) and female (intuitive and creative) signs. This paradigm can be explained by Nossack's attempt to examine the cultural illness of European society after the Second World War.

Key words: *symbol, myth, mythological identity, image of mother, narration technique, existentialism.*

Сюжет романа Г. Э. Носсака «Некийя» (1947 г.) труден для пересказа. При пересказе рассказчику придется неоднократно нарушить фабулу произведения, чтобы не погрешить против содержания. В целом можно сказать, что «отчет уцелевшего» повествует о человеке, который внезапно утратил все связи с миром и оказался перед лицом Ничто. Герой «Некийи» не помнит своего имени, не знает своего прошлого, забыл свою мать и уверен, что у него никогда не было детства. Действие романа начинается именно с осознания героем своего неопределенного, или «негарантируемого», положения в мире, который вдруг «превратился в глиняное месиво». Для того чтобы обрести самоопределенность, герой должен восстановить ход прошлого.

В исследованиях, посвященных данному роману, уже не раз отмечалось, что события в произведении никак между собой не связаны. «Сцены в этом романе сменяют друг друга не по принципу логической причинно-следственной связи, а по принципу наибольшей эмоциональной выразительности. Лирически-ассоциативная техника ведет от одного видения к другому – как во сне», – пишет немецкий исследователь К. Шмидт [цит. по: 1, с. 188]. В этом смысле можно сказать, что текст романа хаотичен.

Однако нельзя сказать, что «хаотичность» характера действия романа немотивированна. Герой-повествователь постоянно напоминает своему реципиенту, что он не просто рассказывает о том, что с ним произошло, но что он пересказывает сон: «кстати, я рассказываю сон» [4, s. 31]* или «давайте не забывать, что я рассказываю сон» [4, s. 51]. Помимо техники пересказа сновидения, Носсак использует и другие способы организации повествования. В частности, главным «геном» сюжета романа «Некийя»

оказывается символ. Символы – имя, зеркало, луна, яма, образ женщины, вода, дождь, столб, образ мужчины и др. – выстраиваются в значимую для понимания романа парадигму.

Основным символом в данной парадигме, как представляется, является образ матери (и шире – женщины), противопоставленный образу отца (мужчины). Тема любви задана уже в эпиграфе: «Когда уходит любовь, всякая тварь тоскует». Затем она конкретизируется. «...мужчину только тогда можно по-настоящему узнать, когда видишь, как он относится к женщине. Без нее он не осязаем и затихает, как сказанное в пустоту слово», – понимает герой [4, s. 32]. И это заявление относится не только к возлюбленной, но и к матери, поскольку существо, которое не знает своей матери, «неопределенно». Тоска по женщине-матери заставляет героя дрожать: «Я тоже чувствовал, что дрожу. Дрожь была настолько сильной, что она передавалась туману, что был вокруг меня, и земле, на которой я стоял. Вид был плохой. Не к чему было прислониться. Ни дерева, ни стены. Все знакомое растворилось. Мир превратился в глиняное месиво, настоящее море глины» [4, s. 93]. Таким образом, роман Носсака можно трактовать как историю о возвращении сына к матери, как историю о реабилитации роли женщины.

Безымянного героя Носсака часто сравнивают с героями античных мифов – Одиссеем и Орестом. Аналогии и параллели с античными мифами очевидны. Путешествие героя «Некийи» в город напоминает одновременно и спуск гомеровского Одиссея в подземное царство, и возвращение Ореста в Аргос. Однако в отличие от гомеровского Одиссея герой Носсака должен расспросить не старца Тиресия, а свою мать – Антиклею, и он должен узнать не о том, что ждет его в будущем,

а о том, что было его прошлым. Он отличается и от Ореста античных мифов: его цель не отомстить своей матери за убийство отца, а, напротив, принести ей весть, что древний приговор отменен. Клитемнестра оправдана, ее месть Агемемнону была вызвана стремлением защитить своих детей от войны.

Переосмысляя античные мифы, немецкий писатель смещает акценты и концентрирует внимание на том, как меняется отношение героя к матери. Мать, к которой герой идет, чтобы вспомнить свое имя и восстановить прошлое, оказывается для него символом не только жизни, но и самой надежды, что данная ею жизнь будет иметь смысл и значение. Восстанавливая прошлое, пересказывая свои сновидения, герой вынужден признать, что в присутствии своего друга старался не упоминать о матери, ибо «он бы мне тотчас ответил: такой женщины не существует. Это выдумал неженка. И я должен признаться, что в этом я пытался поверить ему» [4, s. 67]. Позднее, еще более определенно, он скажет: «Мать никогда не приходила ко мне в комнату. Я думаю, она не раз стояла под дверью, держась за ручку и намериваясь войти, но поворачивала обратно потому, как я не разрешал ей войти. <...> Я делал вид, что матери не существует. <...> И вместе с тем у меня конечно не было детства. <...> До сих пор я очень хорошо обходился без детства» [4, s. 67–68]. И добавит: «Я взял слово “мать” и выбросил его, и растоптал его, чтобы оно навечно исчезло» [4, s. 123]. Однако исчезновение мира и одиночество, вызванное этим исчезновением, рождает у героя тоску как по матери, так и по неосуществленному детству.

Существует мнение, что, обращаясь к античной мифологии, Носсак приходит к выводу, что просчеты европейской цивилизации, ориентированной на рациональное отношение к миру, начались именно в античности, до того считавшейся эпохой гуманизма, на которую нужно ориентироваться. «Посылая своих героев на поиски прошлого, которое предали люди, Носсак, по сути,

стремится осмыслить недавнюю трагедию этого прошлого свете истории, причем в самом обширном, вплоть до мифологии, контексте», – пишет А. Карельский [1, с. 189]. Такое мнение вполне оправданно: в романе Носсака много архаических символов, и эти символы также связаны и с одной из главных тем романа – темой материнства, в рамках которой противопоставляются мужское (рационально и разрушительное) и женское (интуитивное и созидательное) начала. В архаическом мифе, как показала О. Фрейденберг в книге «Миф и литература древности», смерть передается в образе отцов (мужчин), оживание – женщин.

Наиболее часто используемым символом в романе является луна. Как известно, в древней мифологии луна и женщина составляли тождество. О. Фрейденберг пишет: «В функции плодородия каждая женщина тотемически связывалась с луной (была одной из лун)» [3, с. 44]. Такая мифологическая связь имеет место и в романе «Некийя». Для этого достаточно сопоставить два отрывка романа. В самом начале читаем: «Нечто подобное происходило и раньше, когда еще существовала Луна. <...> Я не уверен, что меня понимают, когда я произношу: Луна. Это было нечто такое, что не имело ничего своего. Чтобы не потеряться, она соблазнительно повисала над другими предметами, впитывая, как губка, их цвет и своеобразие и выдавая все это за свое собственное. Нечто, подобное этой Луне, хуже врага. Она одурманивала холодным кровожадным светом. Существа не понимали, что это был их свет, который она у них украла. В этом смысле они утратили чувство реальности. Может, я несправедлив к Луне» [4, s. 14]. «Я поймаю новую луну. Чтобы ты радовалась. <...> Я видел, что старая луна лежит разбитая. Не нужно печалиться о ней, она превратилась в слепое зеркало и висела на небе как перезревшая груша. Но чтобы повесить новую луну, мне надо идти» – такое обещание герой даст после примирения с матерью [4, s. 131]. И это обещание свидетельствует о том, что герой обрел надежду.

Примеры архаических символов, тождественных женскому, материнскому началу и несущих идею созидания жизни, можно было бы продолжить и посвятить этому отдельную работу. Однако, говоря о том, как представлен образ матери в романе «Некий», следует отметить, что Носсак, которого критики не раз зачисляли в ряды экзистенциалистов сартровского (атеистического) типа, обращается не только к языческой символике, но и к христианским образам. Так, и образ матери в романе имеет не только античные (и архаические) соответствия; при его анализе возникают также и ассоциации с христианским иконическим изображением Девы Марии (Богородицы, Мадонны) с младенцем (Христом) на руках.

При этом стоит учитывать, что в системе ценностей Носсака Бога как религиозного ориентира не существует, но есть Бог как надежда, пусть и самая призрачная. «И куда ценнее не менее хрупкая жизнестойкость господина бога, про которого все еще неизвестно, уцелел ли он сам», – читаем в рассказе «Клонц» (1948) [2, с. 534]. В другом месте герой Носсака скажет: «Те, кто молчат о боге, знают о нем больше, чем те, кто все упоминают его имя. Они просто не хотят унижить его деятельностью, которая ему не пристала. Они стыдятся отводить ему столь жалкую роль» [2, с. 540]. Герои Носсака живут этой надеждой: они вспоминают о Пасхе как символе воскресения из мертвых (герой «Клонца») и Рождестве как символе надежды (герой «Некий»). Иными словами, постулат Ницше о смерти бога, а значит, и вывод экзистенциалистов атеистического толка о бессмысленности жизни человека Носсак не принимает. Поэтому вполне закономерно, что в его произведении появляются такие символы, как Всемирный потопангел и мать, дающая жизнь и олицетворяющая собой мир и гармонию.

В этом смысле особенно выразительным является последний эпизод романа: «Лучше поверить в другую возможность. Поскольку я полагаю, что однажды родится

ребенок. В то время как остальные будут в изумлении стоять возле матери, не зная, что сказать, именно он вдруг упадет на колени и воскликнет: Посмотрите, у нас есть прошлое! <...> Но хозяин будет и дальше широкими движениями рук управлять хором. Его веселый бас заглушает все и задает ритм всему. От этого холмы растут, деревья качают верхушками в такт. А мать качает ребенка на коленях и говорит ему как всегда: Спи, завтра не поспишь» [4, s. 153]. Может показаться, что этот эпизод, имеющий явные переклички с христианским мифом о создании мира и с мифом о рождении Миссии, несколько надуманный. Представляется, что это все же не так. Данный эпизод подготовлен всей логикой романа.

Как известно, в мифе «одна мысль повторяет другую, один образ вариантен другому; различие их форм создает кажущееся разнообразие» [3, с. 29]. Роман Носсака строится согласно данному закону. Так, анализируемая нами заключительная сцена вариантна всему сюжету произведения. Рассказ «уцелевшего» начинается со слов: «Снова шел дождь. Кажется, он и не прекращался. Остановить его было не в моей власти» [4, s. 7]. Этот дождь орошает глиняный мир глиняных существ. Потом, вернувшись в город и зайдя в один из домов, герой обращает внимание на картину, изображающую «однообразный водный пейзаж. Правильнее будет сказать, не пейзаж, а нечто, что раньше было пейзажем или что только собиралось быть пейзажем» [4, s. 22]. В кульминационный момент он говорит: «Я бросился в яму и рылся руками в мягком грунте, чтобы вызвать друга. <...> И земля, на которой я привык к тому, что все мерки снимаются в положении стоя, неудержимо размягчалась подо мной. <...> Земля превратилась в туманное пятно, в которое я провалился и полетел» [4, s. 110]. И наконец, последние слова героя: «По-моему, дождь кончился» [4, s. 154]. При анализе этих эпизодов неизбежно возникают ассоциации с мифологическими представле-

ниями о земле-матери. Как пишет О. Фрейденберг, «значение “матери” целиком определяется родящей функцией, родящими частями тела; мужчина понимается как “небо”, “дождь”, “сеятель”. <...> Мужское начало передается столбом. Все вещи переосмысляются сообразно новой семантике; яма, углубление, всякая “низина”, верней всякая вещная метафора “преисподней” получает значение “материнского лона”»[4, с. 103–104]. Таким образом, можно сделать вывод, что роман Носсака есть «обновленный» миф о создании мира, в основе которого лежит

равновесие между мужским и женским началами. И создавая этот миф с опорой на разные, но варианты друг другу мифологемы, писатель достигает равновесия смысла и формы.

В заключение повторим: образ матери в романе строится на основе различных мифологем, от архаических до христианских, но все эти мифологемы, несмотря на их разное происхождение, имеют инвариантное значение: значение матери в том, чтобы дарить жизнь, и жизнь, данная ею, есть уже сама по себе ценность.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Здесь и далее цитаты из [4] даны в моем переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карельский А. В.* Ганс Эрих Носсак // История литературы ФРГ / Отв. ред. И. М. Фрадкин. М.: Наука, 1980. С. 185–205.
2. *Носсак Г. Э.* Избранное: Сборник / Пер. с нем. М.: Радуга, 1982. 624 с.
3. *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М.: Восточная литература. РАН, 1998. 800 с.
4. *Nossak H. E.* *Nekyia.* Frankfurt am Main, 1964. 156 s.